

ИЗ ГЛУБИН ПАЛЕОЛИТА

О. Н. Бадер

Изучение древнейшего периода человеческой истории, древнекаменного века, — самая молодая отрасль археологической науки. И если в России коллекционирование предметов древности и искусства началось очень давно, а знаменитый петровский музей раритетов — кунсткамера был создан в Петербурге более 250 лет тому назад, так же как первая инструкция по сбору материала и ведению раскопок, то начало изучения памятников древнекаменного века относится только к 70-м годам прошлого века. Сейчас советская археология отмечает серию столетних юбилеев с начала раскопок нескольких палеолитических стоянок. Таковы находки 1871 г. на Верхоленской горе в Иркутске, произведенные при постройке военного госпиталя¹; раскопки Ф. Каминским Гонцовской стоянки в Лубенском уезде Полтавской губернии в 1874 г.; трехлетние раскопки (1877—1879 гг.) А. С. Уваровым Карачаровской стоянки близ г. Мурома Владимирской губернии, остававшейся в течение 60 лет крайней северной точкой расселения палеолитического человечества в глазах европейской науки; открытие Н. С. Поляковым в 1879 г. первой стоянки у с. Костенки на Дону близ Воронежа; раскопки Волчьего грота в Крыму, первой в России мустьерской, среднепалеолитической стоянки, произведенные К. С. Мережковским в 1879—1880 гг., и т. д.

Новые открытия палеолита в России, обозначившегося так далеко на северо-востоке Европы, явились одной из крупнейших сенсаций в европейской археологической науке, где изучение палеолита велось уже более полустолетия, где успел сложиться взгляд на юго-западные страны, преимущественно на Францию, как на прародину человечества и древнейший очаг культуры в Европе и были разработаны основы периодизации палеолита, воспринятые и в других странах. С тех пор положение резко изменилось: с 20-х годов нынешнего столетия развернула свои исследования советская археология, руководствующаяся марксистско-ленинской методологией. Если в предреволюционные годы в России насчитывалось лишь около 15 открытых палеолитических местонахождений, то в настоящее время число их достигает 1 тысячи. Сотни палеолитических поселений и несколько погребений исследованы благодаря систематическим раскопкам, обогатившим наши музеи и литературу огромным первоклассным материалом.

Некоторые методологические установки советского палеолитоведения оказали влияние и на развитие европейской археологии послевоенного периода. В основе этой методологии лежит взгляд на конечную цель археологического исследования — изучение истории общества, а остатки древнего поселения рассматриваются как место обитания группы людей с определенными чертами хозяйства и общественного строя. Отсюда возникла необходимость восстановления общей картины древнего поселения и, следовательно, раскопок его не узкими траншеями, а широкими площадями, со всеми жилищами, очажными ямами, мастерскими для обработки кремня, скоплениями костей мамонтовой фауны и т. д. Реконструкция палеолитических жилищ и древних поселений — одно из главных достижений советской науки.

За последние полтора десятилетия в области изучения палеолита советскими археологами было сделано очень много, и в настоящем очерке нет возможности окинуть эти исследования даже общим взглядом. В пределах Европейской части СССР можно выделить четыре важнейших открытия: палеолитические стоянки на Печоре; палеолитические жилища и поселения на Украине; изумительные по богатству и сложно-

¹ См. подробнее: Б. А. Фролов. Первые исследователи сибирского палеолита. «Вопросы истории», 1973, № 5.

сти погребения на стоянке Сунгирь под Владимиром; первая достоверная палеолитическая живопись в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале.

Выявление палеолитических стоянок на Печоре по-новому освещает проблему первоначального заселения Европейского Севера человеком. Как известно, древнейшие следы человека были обнаружены на юге СССР. Таковы местонахождения шелльского (аббевильского) и шелль-ашельского типа у Луки Врублевецкой на Днестре, в 20 км от г. Каменец-Подольска; на Северном Кавказе и главным образом в Закавказье, известнейшим из которых является Сатани-Дар в Армении²; местонахождения в республиках Средней Азии. Однако каменные орудия с Кавказа, Днестра и из Средней Азии не принадлежат к числу древнейших орудий человека, а примитивнейшие орудия этого типа, сделанные из речных галек, отдельные находки которых известны в Средней Азии, связаны с недостаточно четкими геологическими условиями и могут оказаться не столь древними, как африканские (олдувайские).

Другими словами, известные на юге СССР каменные орудия человека не дают пока возможности утверждать, что территория нашей Родины принадлежала к области становления человека. Этой областью в глазах современной науки по-прежнему является Восточная Африка. Находки в Олдувайском ущелье и на озере Рудольф датированы с помощью калий-аргонового метода, их отделяет от нас 2 млн. и 2 млн. 600 тыс. лет³. Недавно в зарубежных журналах промелькнуло известие о еще более древней находке в Северо-Восточной Африке: найденные в Эфиопии, частью в фрагментах, три челюсти имеют человеческие зубы. Возраст этих находок достигает 3,5—4 млн. лет! Д. С. Иогансон, участник экспедиции, указывает на одно интересное обстоятельство: африканские находки по мере их приближения к Азии приобретают все большую древность. Так, если находки в Олдувае имеют возраст 2 млн. лет, то севернее, на оз. Рудольф, — 2,6 млн. лет, а в Эфиопии — 3,5—4 млн. лет. Из сопоставления этих дат и географии находок Д. С. Иогансон делает предположительный вывод о возможном движении наших древнейших предков из Передней Азии в Африку и о постепенном продвижении их в более южные широты Африканского материка. Он считает необходимыми поиски следов древнейшего человека в Передней Азии⁴.

В связи с этим следует вспомнить, что в Южной Азии, а именно в Индии давно известны костные останки человекообразного существа, так называемого рамапитека. Вполне вероятно, что будущие новые находки позволят включить и Южную Азию в ту территорию, где шло становление человека. Это, в свою очередь, будет иметь первостепенное значение и для выяснения проблемы появления первых людей на территории нашей Родины. Следует напомнить о находке, сделанной в Восточной Грузии, у селения Удабно, где были обнаружены останки поздне третичной человекообразной обезьяны, именуемой *Udabnopithecus garadziensis*⁵. По мнению антрополога Г. Ф. Дебеца, «удабнопитек относится к той ветви антропоидов, которая включает гориллу и шимпанзе — из числа современных обезьян, трипитеков, рамапитеков и австралопитеков — из числа ископаемых. К этой же ветви относится предок человека»⁶. Не исключено, что удабнопитек представляет собой прямого предка человека. Вероятно, южные районы СССР были в ближайшем соседстве с зоной, где шло превращение обезьяны в человека, а может быть, и входили в эту зону. Будущие находки прояснят этот вопрос.

В Азыжской пещере в Азербайджане в 1968 г. на глубине около 11 м вместе с каменными орудиями ашельского типа и костями животных найден обломок челюсти человека; по определению антропологов, челюсть принадлежала неандертальскому человеку, предшественнику современного человека, появившегося в эпоху позднего палеолита или немногим ранее. В позднешелльское время на территории СССР северную

² М. З. Паничкин а. Палеолит Армении. Л. 1950.

³ Об их значении см.: М. И. Урысон. Истоки рода человеческого в свете новейших данных. «Вопросы истории», 1976, № 1

⁴ «Ethiopia Yields Oldest Human Fossils». «Science News». Washington. vol. 106, № 18, 1974, November 2, pp. 273—288.

⁵ Н. И. Бурчак-Абрамович, Е. Г. Габашвили. Находка ископаемой человекообразной обезьяны в пределах Грузии. «Природа», 1950, № 9.

⁶ Г. Ф. Дебец. Территория СССР и проблема родины человека. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР. Вып. XVII. 1952, стр. 17.

границу расселения тогдашнего человечества в Евразии можно провести по линии от Каменец-Подольска на Днестре через Северный Кавказ на Южный Казахстан⁷, где обнаружены богатые местонахождения каменных орудий древнего палеолита на хребте Малый Каратау. Многочисленные находки древнего палеолита на Кавказе дают возможность утверждать, что этот регион являлся одним из исходных центров для первичного расселения людей на Восточноевропейской равнине. В ашельскую эпоху, совпадающую с концом древнеэвксинского века геологической периодизации в Восточной Европе, Манычский морской пролив, соединявший Черное и Каспийское моря, пересох и открыл путь на север с Кавказа с его древнейшим шельским и раннеашельским населением.

Но путь с Кавказа не был единственным; нельзя сбрасывать со счетов и возможность другого, юго-западного пути в заселении Восточноевропейской равнины. К таким выводам подводят нас находки, сделанные в 60-е годы в Венгрии, в Вертешселеше. Здесь было обнаружено древнейшее становище человека первой половины четвертичного периода и часть черепа архантропа — типа, близкого питекантропу. Не менее вероятен и юго-восточный путь расселения, из закаспийской области Средней Азии; на реальность этого пути указывает культурное сходство материала ашель-мустьерских стоянок Кара-Бура в Таджикистане и Урта-Тубе в Южном Зауралье. На протяжении ашельской эпохи расселение людей на север достигло широт Воронежа на Дону и Куйбышева на Волге. Примечательно, что расселение все дальше и дальше на север происходило в условиях прогрессирующего похолодания, когда началось встречное смещение на юг ландшафтных зон и стали вымирать некоторые представители хазарского фаунистического комплекса. Самая возможность подобного расселения была обусловлена развитием материальной культуры человека, изобретением способа искусственного добывания огня, видимо, примитивной одежды и элементов искусственного жилища, усовершенствованием организации коллективов первобытных охотников на крупных и стадных животных. После упомянутой находки в Азыжской пещере вряд ли приходится сомневаться в том, что это великое движение к северу совершил уже не архантроп, а палеоантроп, неандертальский человек, физический тип которого уже сформировался на протяжении ашельской эпохи.

В последующую, мустьерскую, эпоху — эпоху среднего палеолита (примерно от 100 тыс. до 40 тыс. лет тому назад) — расселение неандертальцев охватило новые обширные пространства на севере, достигнув линии Брянск — устье Камы — устье Чусовой. При взгляде на карту нетрудно заметить, что от Брянска, близ которого находится большое Хотылевское мустьерское местонахождение⁸, эта линия круто отклоняется к северу, что находит объяснение в континентальности климата на востоке, ограничивавшего питание и распространение материковых льдов. Это мнение оказалось справедливым. Оно помогает осознать новое открытие ясных следов палеолита необычайно далеко на севере Приуралья, на р. Печоре. Несмотря на приведенные палеогеографические предпосылки, это открытие явилось большой неожиданностью.

Место находок кремней мустьерского типа было обнаружено геологом Е. М. Тимофеевым в урочище Крутая Гора на правом берегу Печоры, выше г. Печоры, в северной тайге (выше 65° северной широты), в 175 км от полярного круга и границы лесотундры. В 1967 и 1969 гг. местонахождение исследовали ученые из Коми филиала АН СССР; раскопки велись под руководством В. И. Канивца и при участии геологов Е. М. Тимофеева и Б. И. Гуслицера. На Крутой Горе в толще 40-метровой речной террасы залегают два палеолитических культурных слоя. В верхнем, лежащем на глубине 4,5 м в озерно-аллювиальных песках и супесях, обнаружено несколько десятков изделий из кремня, кварцита, кварца и два осколка обсидиана, просверленный клык песка, а также кости мамонта, лошади, благородного оленя, волка, зайца, песка и фаланга кисти человека. Верхний слой может быть с уверенностью отнесен к верхнему палеолиту, притом не к позднему его этапу. Печорские находки перекликаются с некоторыми чертами материальной культуры стоянок Сунгирь и у с. Костенки.

⁷ О. Н. Бадер Древнейшее заселение Северной Европы человеком в свете новых данных. «Краткие сообщения» Института археологии АН СССР. Вып. 126, 1971.

⁸ Ф. М. Заверняев. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. Брянск. 1961.

Нижний культурный слой на Крутой Горе залегает на глубине 9,5 м под толщей песков, супесей и грубых суглинков в галечнике и содержит изделия из камня и единичные кости северного оленя и предположительно мамонта. Находки четко локализируются в тонком, 5-сантиметровом горизонте и состоят пока примерно из 35 кремневых и кварцитовых изделий. Характерны грубые отщепы с дисковидных ядрищ. Весьма типичны мустьерский ручной остроконечник, орудие с двухсторонней обработкой, несколько скребел и режущие орудия. Форма орудий и техника их изготовления позволяют с уверенностью считать нижний комплекс Крутой Горы мустьерским, а залегание его под верхнепалеолитическим слоем не оставляет сомнения в его мустьерском возрасте. В целом мустьерские изделия Крутой Горы даже создают впечатление довольно архаичного мустье, но эта особенность может и не указывать на их относительно раннее время, так как здесь, на северном краю ойкумены, могла бытовать своеобразная фацция мустьерской культуры, долго сохранявшая ранние черты. Геологический возраст галечников, вмещающий мустьерский культурный слой Крутой Горы, определяется временем бореального наступления Ледовитого океана на сушу и рисс-вюрмского межледникового⁹.

В эту эпоху, характеризующуюся относительно теплым климатом, надо полагать, и произошла первая встреча людей с Северным Ледовитым океаном на северо-востоке Европы. На западе, к северу от богатого мустьерского местонахождения у Хотылева на Десне ничего подобного не наблюдается, так как на северо-западе находились главные центры оледенения Европы. Все местонахождения среднепалеолитических, мустьерских орудий, вытянутые вдоль Западного Приуралья, по берегам древней реки Пра-Камы (ныне Волги), от Волгограда до устьев Чусовой, Обвы и Вишеры, обрисовывают путь, по которому прошли древние, расселяясь в Восточной Европе с юга на север. Интересно, что принцип вторичной обработки края мустьерского остроконечника из Гремячего на Каме близ устья Вишеры и скребловидного орудия, имевшего плоскую подправку со стороны «брюшка», из Пещерного лога близ устья Чусовой типичен для стоянки Сухая Мечетка у Волгограда и отмечается также на Печоре. Эта деталь как бы указывает на путь заселения верхнекамского и печорского севера человеком. Он шел вдоль Пра-Камы, по восточному, приуральскому краю Восточноевропейской равнины до самого Крайнего Севера.

При взгляде на палеогеографическую карту той эпохи видно, что мустьерские памятники на Северо-Западе Европы территориально огибают максимальные пределы материковых льдов того времени. Только в эпоху позднего (верхнего) палеолита древние поселения человека перешли эту черту и по мере сокращения ледникового щита начали постепенно осваивать европейский Северо-Запад. Поиски палеолита на Севере и в особенности на Северо-Западе — одна из очередных задач советских археологов. Находки костей мамонта и его фаунистических спутников известны в Архангельской, Вологодской, Новгородской областях, в Ленинграде и даже на Кольском полуострове; за животными мог следовать и человек.

Теперь коснемся коротко новых исследований палеолитических жилищ и поселений. Древнейшими жилищами человека, дошедшими до нас, были пещеры. Люди использовали их, нередко улучшая жилые качества искусственными каменными стенками. В СССР древнейшей жилой пещерой с остатками очагов является ашель-мустьерская пещера Кударо-I (в Грузии), верхний мустьерский слой которой имеет полученную радиоуглеродным методом абсолютную дату 44 150 лет до н. э; нижние ее слои значительно старше. Одним из недавних крупных открытий оказались остатки искусственного мустьерского жилища, исследованные А. П. Чернышом на стоянке Молодова-I на Днестре. Основание жилища было укреплено костями мамонта. Это скопление мамонтовых костей имело вид широкой полосы в форме овала размерами по внешнему краю 7 на 10 м и состояло из 12 черепов, 34 лопаток и половинок тазовых костей, свыше 50 трубчатых костей, 5 нижних челюстей и 14 бивней. Внутри овала из костей накопился мощный культурный слой со следами очагов в виде 11 пя-

⁹ Е. М. Тимофеев, В. И. Канивец. Двуслойная палеолитическая стоянка Крутая Гора в Печорском Приполярье. «Археологические открытия 1967 года». М. 1968; В. I. Guslitzer, V. I. Kanivets, E. M. Timofeyev. The Northernmost Palaeolithic Sites in the USSR. «INQUA.VIIIe Congrès. Resumés, Communications». P. 1969.

тен угля и золы, находившихся не ближе 1—1,5 м от стен жилища, но без выраженного центрального очага. Скопление культурных остатков внутри жилища было огромным: по 1—2 тыс. кремней на 1 кв. м, тогда как вне жилища они насчитывались единицами. Прослеживая взаимное положение костей, А. П. Черныш пришел к выводу, что расположенные по внешнему овалу крупные кости составляли в свое время стены долговременного жилища в форме большого шалаша¹⁰. Таким образом, было доказано существование искусственных жилищ в Восточной Европе еще в эпоху среднего палеолита.

Без сомнения, помимо постоянных жилищ типа молодковского, мустьерцы сооружали и легкие жилища временного характера. Огонь, искусственное жилище и, конечно, одежда создали для мустьерцев возможность ослабить непосредственную зависимость от климатических условий и освоить охотничьи угодья северных областей Восточной Европы. В эпоху позднего палеолита архитектура жилищ становится более разнообразной. Известно свыше 20 стоянок с остатками полностью или частично исследованных жилищ. Чаще всего встречаются круглые либо удлинненные жилища. Обычно их основания в большей или меньшей степени углублены в землю. В центре круглых жилищ располагался очаг, удлинненные жилища имели по 2, а то и до 9 очагов, вытянутых по оси жилой ямы. Круглые жилища с центральным очагом, надо полагать, строились из дерева и имели коническую форму, длинные — двускатную крышу с коньковой жердью вверху, вытянутой по линии очажных ям. Крышу таких жилищ на деревянном каркасе могли делать из древесной коры, шкур животных или даже из дерна, по крайней мере в ее нижней части. Некоторые палеолитические жилища центральной части Восточноевропейской равнины, сохраняя круглую форму, сильнее углублялись в землю, края жилищных ям облицовывались каменными плитами или крупными костями мамонта. Диаметр таких жилищ не превышал 6—7 метров.

Большим достижением в раскопках верхнепалеолитических жилищ Восточной Европы за последние 15 лет является изучение и реконструкция жилищ, построенных, как и мустьерское жилище в Молодове, с использованием множества крупных костей мамонта. «Остатки этих построек после их расчистки от покрывающего суглинка имели вид развалин жилища с сохранившимся во многих случаях целесообразным порядком в залегании костей, определяющимся тем, как кости мамонта были собраны и уложены людьми при постройке своих жилищ. Анализ развалин позволяет иногда обоснованно определить роль этого строительного материала в данной постройке. Диаметр таких жилищ не превышает 9 м. Они бывают и наземные и углубленные в землю. В средней части жилищ имеются несложные очаги. Внутри кольцевого нагромождения костей, возникшего при разрушении стен жилища, на полу наблюдается масса культурных остатков, покрытых сверху относительно небольшим числом плоских и других костей мамонта, оленьих рогов, ребер»¹¹. Во многих случаях, например, на Аносовской-II стоянке на Дону, исследовавшейся в последние годы, «удается проследить определенный порядок сортировки и укладки плоских и трубчатых костей. У основания стен жилищ неизменно отмечается сплошное или с перерывами кольцо из черепов мамонтов, часто опирающихся на бивневые пазухи... Лопатки, трубчатые и тазовые кости очень часто приспособлены для крепления путем пробивания достаточного широких отверстий. В Аносовской стоянке черепа расположены... по внутренней части кольцевого нагромождения и залегают парами примерно на равном расстоянии друг от друга»¹². Такие жилища нередко бывают окружены рядом ям-кладовок или небольших погребов, перекрытых сверху также костями мамонта; диаметр подобных ям достигает 1,5 м, глубина — до 80 сантиметров.

Некоторые исследователи высказали предположение, что бивни и другие кости мамонта, а также оленьи рога использовались в качестве гнета для прижимания легкого покрытия жилищ к их деревянному каркасу с целью защиты его от сильных ветров. Вызывают интерес жилища на Мезинской стоянке в Черниговской области,

¹⁰ А. П. Черныш. Ранний и средний палеолит Приднестровья. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода». Т. XXV. М. 1965.

¹¹ А. Н. Рогачев. Палеолитические жилища и поселения. «Каменный век на территории СССР». М. 1970, стр. 72.

¹² Там же.

на р. Десне. Одно из них было реконструировано, перевезено в Киев и демонстрируется в Палеонтологическом музее АН УССР. Для сооружения его остова и покрытия были употреблены кости 30 мамонтов, а именно: 17 черепов, 53 лопатки, 11 нижних челюстей, 9 бивней, 166 трубчатых и других костей, 1 кость носорога и рога от 20 оленей. Для постройки было использовано около 300 костей. Жилище было круглым в плане, его диаметр 5,5—6 м, форма коническая, с куполообразным верхом, высотой предположительно 2,6 метра. По словам исследователя этого жилища, «по самому его краю находились наиболее крупные кости — черепа, тазовые и кости конечностей мамонта, образуя сплошное ограждение, имевшее разрыв только в юго-восточной части. Кости сохранили свое первоначальное место в конструкции — черепа мамонтов лежали упавшими на землю лобовыми сторонами, а тазовые кости были расположены вдоль его края. Ближе к центру находились менее крупные кости мамонта, преимущественно лопатки и бивни, а в самом его центре лежало сплетение рогов северного оленя»¹³.

Эти наблюдения позволяют реконструировать внешний вид жилища. Оно имело характер довольно высокой конусовидной, округлой в плане, площадью около 25 кв. м «долговременной наземной постройки типа чума народов Крайнего Севера. Его основу (каркас) составляли деревянные жерди, наклонно вкопанные в землю по краю пола и скрепленные между собой над его серединой. Деревянный каркас снаружи покрывался шкурами животных, а также, возможно, ветками и травой. Для укрепления и утепления жилища его кровля и стены обкладывались костями животных. Непосредственно на земле стены были обложены наиболее крупными и тяжелыми костями мамонта, главным образом черепами, сохранившимися в виде внешнего ограждения скопления костей на месте разрушенного жилища. Все они были приставлены к наклонным стенам жилища своими наиболее ровными сторонами, а черепа — лбами. Нижними концами эти кости упирались непосредственно в землю, а верхними были прислонены к наклонным стенам жилища. По самому низу стены вместе с приставленными к ним костями животных, вероятно, были немного присыпаны землей для более прочного укрепления основы жилища»¹⁴.

Особенно детально удалось изучить архитектуру таких костяных строений при раскопках Межиричской стоянки (на Украине возле г. Черкассы) в 1966 и последующие годы, произведенных И. Г. Пидопличко. Для постройки жилища здесь были использованы 385 костей мамонта. По сравнению с другими подобными жилищами в рассматриваемом «появился новый архитектурный элемент — специальная внешняя обкладка цокольной и частично надцокольной части нижними челюстями мамонта, придававшая жилищу красивый вид»¹⁵. По внешней окружности межиричское жилище занимало площадь 42 кв. м, жилая же площадь составляла 23 кв. метра. Шкуры, покрывавшие каркас жилища, придавливались в надцокольной части 13 черепами мамонтов. Для этой же цели было использовано 30 лопаток и около 40 трубчатых и тазовых костей, а также 35 бивней, находившихся на крыше. «Как и в современных ярангах, — пишет И. Г. Пидопличко, — каркас создавался комбинацией деревянных жердей и разного рода крупных костей с той только разницей, что цоколь позднепалеолитической яранги сооружался в основном из черепов мамонта (без камней), в то время как для сооружения цоколя современных яранг используют в большинстве случаев камни»¹⁶. Именно так и смонтировано межиричское жилище. Оно демонстрируется в Палеонтологическом музее АН УССР в Киеве. Недавно оно экспонировалось на международной выставке в Токио.

На некоторых широко раскопанных верхнепалеолитических стоянках удалось установить присутствие от 1 до 6 жилищ. Исходя из их жилой площади и количества, можно приблизительно определить численность жителей на палеолитических поселениях. Так, на становищах с одним жилищем обитало 6—7 или 10—12 человек, с несколькими жилищами — от 30 до 70 человек. Сложность и разнообразие верхнепале-

¹³ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев. 1965, стр. 266.

¹⁴ Там же, стр. 266, 267.

¹⁵ И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев. 1969, вклейка между стр. 138 и 139.

¹⁶ Там же, стр. 118, 119.

олитических жилищ Северо-Восточной Европы, установленные археологическими исследованиями в последнее время, свидетельствуют о совершенных формах организации труда наших далеких предков. «Ведь сооружение жилищ требовало длительной и организованной работы — выкапывания значительных ям с выбросом до 12 кубометров земли, поисков и заготовки строительных материалов и топлива, постоянного ухода за жилищем по поддержанию тепла. Очаги и пекарные ямы, служившие для отопления и освещения жилища и для приготовления пищи, требовавшие заботы по поддержанию огня, вместе с наличием орудий по обработке растительной пищи в виде пестов-терочников, курантов и орудий типа зернотерок... являются показателями сложной и развитой домашнехозяйственной деятельности. Она протекала на поселении и в жилище, как и производственная деятельность по изготовлению орудий труда, и в такой же мере характеризует сложные процессы социальной жизни поселений. Эта сложная и разносторонняя домашнехозяйственная деятельность выражается также в наличии на поселениях рядом с жилищем больших ям-кладовых для хранения запасов продовольственных и хозяйственных и небольших ям-хранилищ, вырытых в полу жилища (очевидно, накрываемых и предназначенных для хранения несложного домашнего скарба)»¹⁷. Разумеется, каждое палеолитическое жилище должно рассматриваться в сочетании с этими сопровождающими следами хозяйственной деятельности его обитателей, ибо оно образует вместе с ними целостный хозяйственно-бытовой комплекс.

Количество и характер очагов, ям-хранилищ и производственных центров по обработке камня и кости на поселениях разных этапов верхнего палеолита были различными. Так, на одной из наиболее ранних стоянок — Радомысльской, в Житомирской области, шесть кучно расположенных жилищ обслуживались одним крупным очагом, находившимся вне жилищ, одной ямой-хранилищем с костями животных и одним производственным центром. Видимо, все жилища составляли единый хозяйственно-бытовой комплекс. Развивающееся коллективное производство, общий большой дом (или группа смежных маленьких домов, населенных близкими родственниками), по мнению К. Маркса, составляли экономическую основу наиболее древних форм первобытнообщинного строя¹⁸. Напротив, на более позднем по времени Мезинском стойбище (Черниговская обл.), состоявшем из пяти довольно близко расположенных жилищ, каждое из них являло собой обособленный хозяйственно-бытовой комплекс. А Добраничевскую стоянку в Киевской области, относящуюся к концу верхнего палеолита, составляли четыре далеко друг от друга отстоявших, четко обособленных хозяйственно-бытовых комплекса; каждый из них имел одно жилище, один-два производственных центра и крупных очага и от одной и до четырех ям-хранилищ с костями животных¹⁹.

В последнее время все более укрепляется мнение, что возникновение родовой организации и деление родовых коллективов на небольшие семьи произошло в конце среднего палеолита или даже еще раньше. Стойбища начала верхнего палеолита характеризуют относительно ранний этап развития родового строя, когда хозяйство и быт родовых коллективов имели еще общеобщинный характер. В конце верхнего палеолита, то есть 15—12 тыс. лет тому назад, стойбища дают уже четкую картину деления рода на небольшие семейные группы, которые можно рассматривать как древнейшие парные семьи²⁰.

Неожиданную сложность идеологических представлений людей верхнего палеолита демонстрирует третье открытие: стоянка Сунгирь, находящаяся между г. Владимиром и с. Боголюбово и расположенная на высоком левом берегу Клязьмы. Эта стоянка обратила на себя внимание прежде всего тем, что она оказалась на 120 км севернее Карачаровской стоянки на Оке, долгое время считавшейся самой северной из палеолитических стоянок на Восточноевропейской равнине. В начале раскопок стоянки Сунгирь можно было предположить, что она моложе Карачаровской, чего естественно

¹⁷ А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 75, 76.

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 403, 404.

¹⁹ И. Г. Шовкопляс. Хозяйственно-бытовые комплексы позднего палеолита. «Беларускія старажытнасці». Мінск. 1972, стр. 5.

²⁰ Там же, стр. 6.

было ожидать, если вспомнить о процессе постепенного продвижения людей все дальше на север. Но вскоре выяснилось, что стоянка относится к первой половине верхнего палеолита, а радиоуглеродный анализ угля из очагов, произведенный в Гронингенской лаборатории (Голландия), дал цифры абсолютного возраста стоянки 25—24 тыс. лет тому назад.

В течение последних 20 лет удалось раскопать на Сунгире рекордную площадь (более 4 тыс. кв. м) и выявить общую картину древнего поселения, хотя его культурный слой, залегающий на глубине до 4 м от современной поверхности, оказался сильно испорченным вследствие оплывания сезонно-талого слоя охватившей его когда-то вечной мерзлоты. В результате раскопок выяснилось, что в этом древнем поселении существовало шесть наземных жилищ временного, сезонного характера. Они имели, как можно предполагать по скоплениям остатков, преимущественно удлиненную, овальную, может быть, даже подпрямоугольную форму, отчасти и круглую, с одной или несколькими очажными ямами внутри. Вокруг жилищ под открытым небом располагались другие очажные ямы и кострища, скопления костей северного оленя, мамонта, дикой лошади, бизона, пещерного льва, песца, лисицы, волка, бурого медведя, зайца и других животных (по определению В. И. Громова). Наличие на стоянке костей песцов и леммингов свидетельствует о холодном климате того времени; состав же цветочной пыльцы и мелкой древесины (береза, ель, сосна, изредка ива), а также наличие нескольких видов полыни и растений семейства маревых, извлеченных из культурного слоя, позволили акад. В. Н. Сукачеву восстановить окружающий стоянку ландшафт и считать, что это была малооблесенная территория; небольшие острова леса разделялись открытыми пространствами, и вся местность приближалась по своему характеру к лесотундре²¹. При раскопках на стоянке были обнаружены десятки тысяч изделий из камня, много костяных предметов, поделок из раковин, в том числе головоногих моллюсков — белемнитов и др.

История Сунгирского стойбища представляется следующим образом. Оно использовалось людьми в течение примерно 15—18 лет, во всяком случае в пределах жизни одного поколения. Сперва на это место пришла группа охотников и соорудила два временных жилища. Как долго они оставались здесь, неизвестно. Но мы знаем, что в какой-то момент их постигло несчастье: гибель двух подростков — мальчика 12—13 лет и девочки 8—9 лет. Для их погребения в центре одного из жилищ, видимо, на месте очага, была вырыта могила длиной в 3 м; в нее уложены оба тела, тесно прижатые головой к голове, ногами в разные стороны. После этого люди, наверное, покинули жилища и ушли со стоянки, но через некоторое время вернулись и ниже по склону поставили три или четыре новых жилища метрах в 30 от прежних. Не раньше, чем через два года, в детской могиле у самой поверхности было погребено тело взрослого человека без головы. При установлении срока второго захоронения учтено то, что засыпь могилы успела за это время уплотниться, кости верхнего погребения найдены на горизонтальной плоскости, совершенно не прогнувшейся.

Через несколько лет (точно установить трудно) метрах в трех от первой могилы на той же площадке, где уже не жили и которая, видимо, превратилась в ритуальную, была вырыта новая могила для пожилого мужчины лет 60-ти. Для эпохи палеолита это был глубокий старик, ибо, согласно находкам скелетов, люди в то время умирали очень молодыми. Как и в первой могиле, над лежавшим на дне могилы трупом старика в верхней части могилы было сделано второе захоронение, но не целого трупа, а одной головы. Судя по черепу, она принадлежала женщине. Череп лежал на посыпанной красной охрой площадке, прогнувшейся корытообразно в результате оседания засыпи могилы, из чего следует, что погребение черепа произошло одновременно или почти одновременно с захоронением старого мужчины. Череп женщины плохо сохранился: нет нижней челюсти, вывалились зубы. В такое состояние он мог прийти в результате многолетнего пребывания на поверхности, и в силу каких-то родственных отношений в могилу мужчины был положен именно череп, а не отрезанная голова с мягкими частями. Можно предположить, что это был череп женщины, похороненной в могиле детей, и все погребения принадлежали группе родственников.

²¹ В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. «Труды» Геологического института АН СССР. Вып. 162. М. 1966.

Остановимся подробнее на ритуале погребений и на содержании могил, сразу же оговорившись, что сунгирские погребения оказались во много раз богаче известных палеолитических погребений близ Ментоны (Ривьера). Обе могилы на Сунгире были вырыты на глубину 50—60 см от поверхности земли; дно могил ровное, стенки крутые, местами вертикальные, так что версия о том, что их рыли в вечной мерзлоте способом пожара, отпадает. После того, как могила была готова, ее сперва посыпали черным (или еще горячим?) углем, затем как будто бы белой известью и сверху красной охрой. Умерших клали на спину в вытянутом положении, в одежде. Мальчик и пожилой мужчина положены головой в одну сторону, на северо-восток, девочка — в противоположную сторону, головой на юго-запад. Так же был положен взрослый человек без головы в той же могиле, что может служить косвенным подтверждением его женского пола. При укладке в могилу многочисленных вещей и верхней одежды вновь производилась неоднократная посыпка красной охрой, такая же процедура совершалась и при засыпке могилы землей. Как известно, красный цвет у первобытных племен того времени нередко был излюбленным в ритуальных действиях: он, вероятно, служил олицетворением огня, животворящих лучей солнца, крови, жизни. Помещение в уже засыпанную могилу новых погребений сверху также является важной особенностью сунгирских могил. Расположение детских скелетов головой к голове трудно объяснить; но в связи с этим вспоминается недавняя интересная находка двойной статуэтки из бивня мамонта на относящейся к более позднему времени Гагаринской палеолитической стоянке, на Верхнем Дону. На этой статуэтке две человеческие фигурки, одна поменьше другой, плотно слились головами. Не является ли подобная особенность, зафиксированная и на Сунгире и в Гагарине, отражением обычая, распространенного в Северо-Восточной Европе в эпоху палеолита и имевшего какой-то определенный смысл?

Сунгирские погребения отличают исключительное богатство и разнообразие вещей, положенных вместе с умершими в могилу. Это служит ярким свидетельством уже вполне оформившейся веры в загробную жизнь. Могилы были буквально переполнены предметами из камня и кости, не считая деревянных, которые не дошли до нас, но, без сомнения, уложены были в могилы во множестве. Большая часть перечисленных элементов погребального ритуала уже встречалась в немногих палеолитических погребениях Евразии, но в таком полном виде и в столь сложном сочетании, как на Сунгире, — впервые. Сейчас стало ясным, что еще в первой половине верхнего палеолита, 25 тыс. лет тому назад, существовали первобытные верования, получившие аналогичное отражение в гораздо более поздних погребениях эпох мезолита, неолита, бронзы и даже раннего железа в Северо-Восточной Европе.

Количество предметов, найденных в сунгирских могилах, чрезвычайно велико; их насчитывается не менее 10 тыс., и во многом эти находки обогащают наши знания о материальной культуре и идеологии людей верхнего палеолита²². Так, несколько законченных кремневых орудий было обнаружено на скелетах мужчины и мальчика. У последнего в правой ладони — кремневый нож. Девочке изделий из кремня не положили, но в верхнем погребении женщины оказался кремневый скребок. Наиболее поразительными находками являются почти два десятка кинжалов, метательных дротиков и копий, выструганных из бивня мамонта. Большое копьё, тыльный конец которого помещался у пяток мальчика, имело в длину 2,42 метра! Копьё девочки — 1,66 метра. Способ размягчения, стругания и выпрямления такого твердешего материала, как бивни, остается неясным. Некоторые зарубежные ученые, приезжавшие в СССР специально для изучения этих находок, высказывали разные гипотезы. Например, говорилось о предварительном вымачивании бивней в моче (Р. Согнесс, США). Но подобные гипотезы неприемлемы хотя бы потому, что палеолитический человек не располагал для того соответствующими ваннами, да и сколько же жидкости нужно было собрать, чтобы длительное время выдерживать в ней трехметровый, изогнутый в разных плоскостях бивень? Скорее всего сунгирцы поступали так, как это делали в недавнее время тунгусы и другие народы Северной Сибири:

²² О. Н. Бадер. Человек палеолита у северных пределов ойкумены. «Природа», 1971, № 5.

бивень они долго вымачивали в реке и потом распаривали на костре, после чего стругали его ножом. Бивень разгибался и, высыхая, сохранял новую, приданную ему форму.

Такие длинные, тяжелые, очень острые и прочные копья из бивней до сего времени не были известны в арсенале вооружения палеолитического человека. Сильный и ловкий человек смело мог выходить с ними на единоборство с любым зверем и даже охотиться на мамонтов, в особенности молодых, пропарывая им брюхо. Многочисленные метательные копья давали возможность поражать цель на расстоянии. Древний охотник, оказывается, был гораздо лучше вооружен, чем нам казалось. Остается непонятным, почему это оружие было положено в могилу подростков, а в могиле пожилого мужчины его не имелось. Кроме костяных дротиков, были помещены и несколько деревянных копий, хорошо восстанавливаемых по некоторым признакам. При этом на острие двух дротиков были надеты плоские резные диски из бивня мамонта, видимо, предназначенные для какого-то церемониала. В могиле подростков найдено много разнообразных изделий из слоновой кости и рога северного оленя. Таковы «выпрямители» с круглым отверстием (или «жезлы», как их иногда называют), пряжки с нарядным точечным орнаментом, плоские резные диски из слоновой кости с 10-ю, 8-ю или 4-мя прорезями, тонкие костяные иглы, длинные иглы-застежки, каменные просверленные подвески-кулоны и т. д.

Особое место занимают предметы, свидетельствующие о культе зверей, элементах тотемизма и магии. Так, на останки подростков были положены крупные когти пещерного льва; под тазовыми костями мальчика, ближе к ногам лежали нанизанные бусы, имитирующие хвост; на груди мальчика находилась плоская скульптура лошади с отвислым брюхом, видимо, изображение жеребой кобылы; под его левым плечом обнаружена сравнительно большая скульптура мамонта. И хвост и сочетание эмблем лошади, мамонта и льва, вероятных родовых символов, отражают, видимо, какую-то систему родственных отношений между сунгирцами.

Исключительное научное значение имеет возможность реконструкции одежды палеолитических обитателей Северо-Восточной Европы по погребениям на Сунгире. Дело в том, что все три скелета покрыты многими тысячами бус, сделанных из бивней мамонта. Длинные, плотные ряды их пересекают туловище погребенных, тянутся вдоль ног, украшают головные уборы и обувь. Тысячи бус были нашиты на одежду сунгирцев. Если, как экспериментально доказано, на изготовление одной сунгирской бусины уходило 35—45 минут, то (беря даже меньшую из этих цифр) на 10 тыс. бус было затрачено не менее 5 тыс. час., или 625 восьмичасовых рабочих дней. Это указывает на относительно бесценную жизнь сунгирцев, обладавших досугом. Изучая в деталях расположение бус на скелетах, а также высоту залегания, можно утверждать, что костюм сунгирцев, сшитый из мехов или замши, состоял из рубахи без разреза спереди, одевавшейся через голову, длинных штанов, легкой обуви типа мокасин или сапог вроде пимов, завязывавшихся выше колен, и головного убора (шапки, обшитой рядами бус, — у мужчин; капора с налобной повязкой — у женщин). Этот костюм напоминает одежду современных северных народов, и от него можно вести историю арктического костюма. Надо полагать, он попал на Крайний Север еще в эпоху палеолита.

Плоская скульптура Сунгирия принадлежит к числу древнейших произведений искусства в Северо-Восточной Европе. Она предшествует круглой скульптуре, излюбленным мотивом которой были женские фигуры. На Сунгире изучено много интересных деталей. Одна из них — установленная числовая ритмичность, выраженная в количестве орнаментальных точек или прорезей на скульптурах и ритуальных дисках. Так, одна из плоских фигурок лошади орнаментирована двумя линиями точек, повторяющих очертания фигуры; в каждой из линий ровно по 20 точек. Передние ноги обозначены пятью точками, задние (считая сквозное отверстие для подвешивания фигурки) — тоже пятью. Всего с одной стороны ровно 50 точек. На обратной стороне почти такая же картина. На одном плоском диске от центрального отверстия нанесены с каждой стороны такими же точками по восемь радиусов, в каждом из которых, считая с центральным отверстием, содержится по пять точек. Итак, с полной достоверностью можно сделать вывод, что наши палеолитические предки умели считать и употребляли счет, кратный пяти, по числу пальцев на руке и ноге, пользующийся

и в наше время наиболее широким распространением у народов мира. Второй числовой ритм, фиксируемый на Сунгире, — семь; его можно связывать со счетом времени, а именно с лунным месяцем.

Крайне интересные проблемы возникают при антропологическом изучении скелетов с Сунгира. Все они принадлежат к европеоидному типу современных людей. Чтобы убедиться в этом, достаточно одного взгляда на их скульптурные портреты, созданные М. М. Герасимовым, Г. В. Лебединской и Т. С. Сурниной. Но их облик говорит и о том, что в расово-антропологическом отношении эти люди, жившие на северном краю ойкумены, еще не полностью дифференцировались и сохраняли черты древнего, предкового, обобщенного типа. Особый интерес представляет лежавшее у скелета мальчика массивное бедро с отбитыми эпифизами (концами трубчатой кости), наполненное порошком охры. Его исследование еще не закончено, но уже можно сказать, что перед нами — бедро человека, обладавшего примитивными чертами.

Четвертое открытие, о котором пойдет здесь речь, явилось для археологов не менее неожиданным. Всем со школьной скамьи знакома палеолитическая пещерная живопись из Франции и Испании: гравированные и цветные рисунки мамонтов и носорогов, диких лошадей и бизонов, северных оленей, хищников, разнообразные стилизованные, геометрические фигуры. Пещеры, где обнаружены эти рисунки, служили палеолитическому человеку своего рода святилищами и использовались, видимо, для колдовских, магических церемоний, преследовавших воображаемые цели размножения животных, обеспечения удачной охоты, а может быть, и содержащих рассказ об этих охотах. Район распространения пещер с палеолитической живописью ограничивался областью Юго-Западной Европы, включая Италию и Сицилию. И уже давно укрепилось мнение, что только первобытное население Юго-Западной Европы было в состоянии создать подобные шедевры первобытной культуры. Такое мнение подтверждалось тем фактом, что в пещерах Средней Европы, особенно многочисленных и хорошо изученных в Чехословакии, Венгрии, Австрии и Югославии, палеолитическая живопись отсутствовала, не говоря уже о Северо-Восточной Европе. В СССР в разное время в поле зрения археологов попали несколько групп древних пещерных и наскальных изображений (Западная Украина, Приазовье, Средняя Азия, Восточная Сибирь), в отношении которых высказывалось мнение об их палеолитическом возрасте, но убедительно доказать справедливость этого мнения было трудно, так как рисунки не содержали фигур вымерших животных эпохи плейстоцена (мамонтов, носорогов и т. д.) или же эти фигуры по начертаниям были сомнительны.

Поэтому с большим интересом было воспринято сообщение зоолога Башкирского заповедника А. В. Рюмина об открытии им палеолитических изображений — фигур мамонта, бизона, медведя, волка, верблюда и даже махайрода (саблезубого тигра) в огромной Каповой пещере на реке Белой. Его доклад в Москве в 1959 г., слабо иллюстрированный, был большинством слушателей воспринят скептически. Было решено проверить достоверность изображений непосредственно на месте. В сентябре 1960 г., совершая длинный путь с Камы к течению Белой, автор этих строк с нетерпением продвигался к цели своего путешествия. Палеолитические изображения в Бельской пещере не показались чем-то невероятным. Ведь процесс исторического развития общества везде совершался по единым законам, в особенности в близком окружении природной среды: и поскольку во Франции в верхнем палеолите возникла потребность изображать зверей в пещерных святилищах, то эта потребность должна была проявиться и в других местах и, возможно, в той же форме — далеко спрятанных от человеческих глаз рисунков. Кроме того, уже были известны красочные рисунки в Зараут-Сае в Узбекистане. Они относились к эпохе мезолита, но их развитой характер и разнообразие заставляли предполагать, что имелись их палеолитические предшественники, на базе которых они возникли.

Переправившись через Белую в резиновой лодке в 2 км от пещеры, мы углубились в заповедник. Высокий лиственный лес целиком заполняет здесь каньон речной долины, ограниченной высокими обрывами известняковых скал, и наполняется непрерывным шумом каменных порогов. Тут царство медведей и пчел. Вскоре путь нам преградила грохочущая речка Шульган. Она вытекает из пещеры в 150 м от Белой. Пещера Шульган-Таш (Каповая — ее позднее русское название) была впер-

вые обследована П. И. Рычковым в 1760 году. В том же году она была описана им в выходявшем тогда в Петербурге академическом журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». Через 10 лет пещера была обследована академиком и доктором медицины И. И. Лепехиным; много раз к ней обращались в XIX и XX веках. Но эта крупнейшая пещера Южного Урала продолжала оставаться лишь замечательным памятником природы, древних изображений в ней никто не находил.

Грандиозная арка входа в пещеру в узком ущелье поразила нас. Под аркой — прозрачное озеро холодной воды, из него вытекает речка Шульган. В глубине сгущается тьма. Пещера подразделяется на три яруса, или этажа. Нижний, или нулевой, скрытый от нас, сейчас полностью занят речкой Шульгановкой, которая в далекие времена текла по нижнему, в наши дни обсохшему, ярусу, а еще раньше — по верхнему. С тех пор потолки и стены обсохших этажей покрылись причудливыми натеками извести, каменным «капом», от которого и происходит русское название пещеры: на потолке повисли каменные сосульки-сталактиты, под ними стали расти вверх сталагмиты. Особенно живописны аналогичные образования перед входом в пещеру зимою, когда их быстро воздвигает стекающая сверху вода. Зимою и летом в глубине пещеры сохраняется одна и та же температура от $+6,5$ до $+8,0^{\circ}\text{C}$.

Войдя под своды пещеры, мы направились в дальний зал нижнего этажа, чтобы осмотреть изображения медведя и волка — два из трех изображений, представленных А. В. Рюминым на экспертизу. Путь пролегал частью по глинистому, временно вязкому дну пещеры, частью по огромным и скользким, беспорядочно нагроможденным каменным глыбам обвалов, где каждый неверный шаг грозил бедой. К сожалению, фигуры медведя и волка оказались естественными натеками. Зато в тот же день мы обнаружили в дальнем зале первого этажа, а потом и в двух смежных залах схематические, геометризованные рисунки, нанесенные красной краской и частью покрытые натеками извести.

Теперь предстояло подняться на второй этаж, чтобы осмотреть представленное на экспертизу изображение красной лошади. Но это оказалось не так-то просто. Нужно было преодолеть круто наклоненную, частью вертикальную, внизу даже нависающую стену высотой 29 метров. Стена была мокрой и скользкой. Цепляясь руками и ногами за малейшие выступы и трещины, часто не имея возможности даже осветить себе путь фонарем, мы с трудом преодолели этот опасный барьер. В глубине огромного подземного зала мы без труда отыскали на гладкой стене красный рисунок лошади. Рисунок, без сомнения, был сделан человеком. Но когда? Ведь лошади водились на Урале не только в палеолите, но и в позднейшие времена.

И вот настал незабываемый момент: левее и выше изображения лошади при свете электрических фонарей и свечей мы различили начертание новой красной фигуры и не поверили собственным глазам: неужели слон или мамонт? Много раз освещая рисунок светом свечей слева, справа и снизу, концентрируя слабые осветительные средства, мы уверились: перед нами на слегка наклонной стене была крупная, красная, контурная фигура мамонта, шагающего влево, с характерным профилем шишкостой головы и горбатой спины. То было истинное открытие. Ведь никто не мог в труднодоступной глубине глухой пещеры нарисовать мамонтов в послепалеолитическое время, когда те уже вымерли. А известковые натеки на рисунках и прочность краски, глубоко въевшейся в камень, исключали подделку. Правее и выше рисунка лошади слабо различался еще один рисунок мамонта, а под ним — густое силуэтное изображение зверя, похожего массивной фигурой на кабана. Неужели носорог?

Исследование стены и всего зала — дело будущего, когда мы вернемся сюда с хорошими осветительными средствами. А сейчас я задержался у рисунков, чтобы подробно занести в полевую книжку их изображения, размеры, описания и первые соображения. Что касается «рельефных изображений» мамонта, бизона, лошади и других животных, которые были описаны, а затем опубликованы первооткрывателем, то они оказались игрой природы: рисунки же углем махайрода и верблюда оказались совершенно свежими и были сделаны, видимо, туристами.

В последующие годы, включая 1974-й, мы посвятили много полевых сезонов изучению рисунков пещеры Шульган-Таш. В главном зале верхнего этажа была об-

наружена вторая группа изображений, а на первом этаже — десятки схематических изображений и несколько реалистических рисунков зверей. Химические анализы краски реалистических и схематических рисунков, более поздний возраст которых я вначале предполагал, дали вполне идентичные результаты. Рисунки того и другого стиля, без сомнения, относятся в пещере Шульган-Таш к одному и тому же времени, как это не раз наблюдалось и в пещерах Франции. По заключению большинства геологов, не только верхний, но и нижний этаж пещеры обсохли еще в ледниковый период и были доступны палеолитическому человеку²³. В настоящее время мы располагаем в пещере Шульган-Таш, на обеих ее этажах, 13 рисунками мамонтов, тремя рисунками диких лошадей, единичными рисунками носорога и бизона, одним рисунком полувзвья-получеловека и десятками более или менее сложных геометрических рисунков, среди которых преобладает мотив треугольников, четырехугольников, усеченных конусов с линиями, разделяющими их внутри.

Если костяные и каменные скульптуры, находимые в жилищах и культурном слое палеолитических стоянок, можно рассматривать как принадлежности культа, служившие отдельным членам рода, то такие святилища, как пещеры, вынесенные за пределы поселений, были, надо думать, общеродовыми или даже межродовыми святилищами. Сравнивая палеолитические рисунки с французскими и испанскими, необходимо констатировать их сходство и по расположению в труднодоступных глубинах пещер, и по размерам, и по отсутствию явных сюжетных связей между отдельными рисунками, и по соотношению реалистических и схематических изображений. Но существует и разница. В Шульган-Таше рисунки наносились на скалу сразу, без предварительной гравировки; здесь они только монохромны; большая часть мамонтов не имеет бивней; есть и некоторые стилистические отличия у наших уральских рисунков. Но в целом те и другие идентичны. Сравнение геометрических рисунков обоих регионов также показывает их общее сходство, что позволяет предположить и близость их смысловой нагрузки.

Пытаясь уточнить время рисунков Шульган-Таша в пределах верхнепалеолитической эпохи путем сравнения их с западноевропейскими, для которых давно разработана периодизация, можно отнести их к раннемадленскому времени, когда во Франции господствовал стиль монохромной живописи. Но такую датировку нельзя считать надежной из-за огромности разделяющего те и другие рисунки расстояния. К тому же на протяжении этих 4 тыс. км отсутствуют связующие звенья. На Урале и в Средней Азии палеолитическая живопись могла развиваться несколько иными, своими путями. Но неохотно отдает Шульган-Таш скрытые под землей сокровища прошлого. Только ценой больших трудов и даже жертв постепенно удастся добывать в пещере новые данные. Немало травм, полученных сотрудниками экспедиции, занесено в ее дневники, а в 1964 г. при изучении глубинных частей пещеры погиб участник работавшей параллельно с нами спелеологической экспедиции, студент Валерий Насонов, именем которого стали затем называть пещеру.

В 1973 г., пользуясь великолепным освещением, проведенным в пещеру для съемки кинофильма о ней, мы рассмотрели несколько слабо сохранившихся рисунков, которых раньше не замечали. В 1974 г., фиксируя последние из этих рисунков на первом этаже, заметили на соседней стене красное пятнышко величиною с копеечную монету. Стали расчищать его, и оно начало расти. Обнаружились очертания древнего рисунка. В итоге были расчищены еще две фигуры мамонтов и несколько геометрических изображений. Очередной задачей в изучении пещеры Шульган-Таш является специальная расчистка стен как нижнего, так и верхнего этажа группой реставраторов. В результате этой работы, несомненно, откроются новые группы палеолитических рисунков, а пещера из единственного пока достоверного памятника палеолитической живописи в Восточной Европе превратится в один из богатейших памятников такого рода.

²³ О. Н. Бадер. Каповая пещера, палеолитическая живопись. М. 1965.